

Михаил НЕСИН

## ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ В 1235-1240-х гг.

Борьба князя Даниила Романовича за галицкий стол является одной из ярчайших и ключевых страниц биографии этого знаменитого князя, да и галицкой истории первой половины XIII ст. в целом. Весьма большое значение имели в ней взаимоотношения Даниила с галицким вечем, которые во многом и определяли эту борьбу и ее исход. Не являлись исключением и события второй половины 1230-х гг., которые мы рассмотрим в данной работе.

После того как в январе 1234 г. Даниил вновь вокняжился в Галиче, в течение целого года у него были мирные отношения с вечем. Несмотря на то, что он был проводником волынского влияния, большинство галицких вечников считали его сильным князем, надежным защитником от внешних врагов и лучшей альтернативой правлению венгерских интервентов<sup>1</sup>. Еще осенью 1233 г. за Даниила встала «большая половина града»<sup>2</sup> (прочие галичане стойко сносили тяготы осады, но после смерти сидевшего в Галиче королевича Андраша, не дождавшись венгерской подмоги, признали власть Даниила)<sup>3</sup>. И в течение целого года, вплоть до досадного для вечников бегства князя с поля боя под Торческом, в галицкой вечевой среде никто против него не шел.

Зато, как выяснилось в дальнейшем, среди дружинной элиты были лица, которые не смирились с возвращением князя и вредили ему. Это проявилось уже год спустя, в 1235 г.<sup>4</sup>, во время войны с Михаилом Черниговским и его союзником Изяславом Мстиславичем с половецким отрядом. Правда, по гипотезе А. В. Майорова, с галичанам у Даниила тоже изначально были натянутые отношения - даже на войну он, дескать, пошел для того, чтобы задобрить военной добычей галицкую общину<sup>5</sup>. Таким образом, по мнению ученого, перед нами первое, косвенное, упоминание галицкого веча после повторного вокняжения Даниила в Галиче в январе 1234 г. Но скорее всего князь хотел утвердить свое влияние на юге Руси, в том числе и над своим союзником Владимиром Киевским, изначально стремясь занять ведущую роль в их альянсе. Недаром он еще до начала военных сборов учинил небывалую доселе на Руси акцию - заранее оставил в Киеве при Владимире своих верных видных дружинников Мирослава, Глеба Зеремеевича и «иных бояры многы»<sup>6</sup>, которые потом всю войну шли именно в киевском отряде при князе. Их враг Михаил Черниговский

тоже хотел господствовать в южнорусских землях. Скоро он, воспользовавшись вынужденным уходом Даниила из Галича, сам сядет на галицкое княжение.

Таким образом, у нас нет никаких данных о связи галицких вечников с княжеским решением пойти войной против влиятельного черниговского соперника. Но если эти вечники до Торческого боя были верны Даниилу, то видные галицкие дружинники стали мешать ему, помогая его противнику. Так, если верить уникальному известию В.Н. Татищева, еще в самом начале войны в ходе боев под Черниговом некие бояре вступили в сговор с Михаилом Черниговским и за мзду заманили Даниила в ловушку, в результате чего тот потерпел сокрушительное поражение, а его союзник Владимир Киевский поскорее отступил, чтобы не оказаться в таком же положении<sup>7</sup>. В новгородском и тверском памятниках существует лишь лаконичное указание на то, что Михаил сотворил над Даниилом *«прелесть»*, т. е. обман, одержав тем самым победу<sup>8</sup>. Густынская летопись добавляет, что Даниил едва спасся, а его союзник Владимир Рюрикович заблаговременно отступил<sup>9</sup>. Как верно указал А. В. Майоров, татищевское известие очень напоминает аналогичный текст этой летописи<sup>10</sup>. Видимо, В. Н. Татищев пользовался протографом Густынской летописи, так что его сообщение о саботаже особо интересно.

Во всяком случае, достоверно известно, что галицкие дружинники саботажем не брезговали. Согласно Ипатьевской летописи, вскоре, в бою под Торческом, из-за предательства галицких старших дружинников Григория Васильевича и Молибоговичей в плен к врагам попали сам киевский князь Владимир Рюрикович и ряд бывших с ним верных Данииловых дружинников, в их числе Мирослав и Глеб Зеремеевич<sup>11</sup>. В.Н. Татищев также писал, что Владимир был пленен по вине *«советников»*<sup>12</sup>, но, в отличие от Ипатьевской летописи, не называет их имен. Важно добавить, что само его известие о пленении Владимира явно копирует аналогичное известие новгородского летописца<sup>13</sup>, а значит, опирается на новгородский свод. Если новгородцев не особо занимали конкретные лица в галицком войске, то для княжеского галицко-волынского сводчика имена изменников были, конечно, куда важнее. Примечательно, что врагами Даниила оказались видные галицкие дружинники, включая знаменитых мятежников Молибоговичей. Впрочем, как мы видели на примере событий 1230-1231 гг.<sup>14</sup>, с ним враждовали именно члены старшей дружины, включая тех же Молибоговичей, не желавших уступать чины и влияние пришедшим с Даниилом волынцам. Что касается Григория Васильевича, с ним источники нас знакомят впервые, но известно, что в 1240 г. он был оставлен Даниилом в Галиче, где в его отсутствие стал реальным заправилкой и разорителем земли<sup>15</sup>.

Кроме того, в сражении под Торческом Даниил потерял коня и бежал с поля боя, что настроило против него галицких вечников и принудило оставить галицкое княжение. Согласно Ипатьевскому списку, *«сретевшимъ же ся многимъ воємъ половецкимъ у Торцького, бысть сеча люта. Данилови же гоняшу по половецм, донележе конь его был застреленъ гнедыи. Прежде бо иныи половецы наворотиле на бегъ. Даниль же видевъ бежащии конь свой стрелянь наворотил на бегъ»*<sup>16</sup>. Исходя из этого, исследователи обычно полагают, что еще прежде половцы обратили всех прочих воинов в бегство<sup>17</sup>.

Ныне А.В. Майоров, не ссылаясь на взгляды предшественников, высказал альтернативное мнение, что в бегство, наоборот, обратились сами половцы от Даниила. Отступление князя в этой связи становилось особо досадным<sup>18</sup>. Действительно, в Хлебниковском и Погодинском списках читаем: *«прежде бо иныи половецы наворотилися бяху на бегъ»*<sup>19</sup>.

Можно было бы говорить о том, что в Ипатьевском списке просто допущено опечатка, переписчик забыл записать суффикс «ся» и слово «бяху», невольно в корне изменив смысл фразы. Или же составители более поздних Хлебниковского и Погодинского списков слишком произвольно трактовали Ипатьевский вариант. Однако окончание «е» (*«наворотиле»*) в древнерусской грамматике в таких случаях не ставилось перед суффиксом «ся», значит, ипатьевский летописец так написал сознательно, сообщая, что побежали не половцы, а воины Даниила и отряд Владимира Рюриковича. Куда они скрылись, видно из продолжения летописного рассказа, боевые действия теперь развернулись *«в Торцькомъ»*<sup>20</sup>, то есть в пределах городских укреплений. Торческ, если его верно отождествляют с известным городищем к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшанница и Шарки, имел надежный укрепленный детинец, представлявший собой своеобразный русский квартал в берендеевском городе, а также мощные внешние укрепления<sup>21</sup>. Но все-таки укрепления не спасли, и по вине галицких дружинников Молибоговичей и Григория Васильевича в половецкий плен попали киевский князь Владимир Рюрикович, Мирослав и много иных бояр<sup>22</sup>. Что касается вышеуказанного разночтения Ипатьевского с Хлебниковским и Погодинским списками, то, вероятно, они не противоречат друг другу, освещая разные моменты боя. Раз Даниил *«гонишася»* за половцами, то, естественно, некоторые из них *«наворотилися»*, однако далее мы узнаем, что когда конь князя был ранен, тот сам *«наворотил на бегъ»* и *«прибегшу к Галичю»*<sup>23</sup>, в то время, как все его воины оказываются внутри Торческa. А Даниил скрылся в степи, а не побежал за всеми в надежное укрытие. Видимо, правда есть и в известии Ипатьевского списка — всех прочих воинов *«наворотиле»*

раньше, чем Даниила<sup>24</sup>, они побежали в Торческ, а тот оказался один перед половецкой ратью, а когда увидел, что конь его ранен, побежал прочь, чтобы не попасть в плен. Таким образом, половцы применили распространенный в мировой практике маневр, изобразив притворное отступление, заманив военачальника в ловушку, и при этом неожиданно развернулись, обратив в бегство прочих ратников.

Что касается Даниила, то он был смелым и решительным человеком. Известно его бесстрашное поведение в 1229-1230-х гг., когда он не испугался боярских заговоров, ловко воспользовался случаем и эффектно приструнил самых ярых мятежников, а затем, фактически не найдя поддержки среди своего окружения, все равно пошел на войну<sup>25</sup>. Был князь смел и на поле брани. Известна его удадь во время битвы при Калке, когда он первым кинулся в бой и храбро бился с монголами, невзирая на полученные им серьезные раны<sup>26</sup>. Но он был расчетлив и не участвовал в том, что считал заведомо проигрышным. Например, еще юношей, в 1215 г., уже став одним из сильнейших русских князей, он отказался от неравного боя за Галич<sup>27</sup>. В начале 1230-х гг., во время венгерского нашествия, он не бросился в битву, а дождался в укромном месте волынского подкрепления, а потом, после отступничества галичан, целых два с половиной года методично копил силы для взятия Галича<sup>28</sup>. Естественно, что теперь, оказавшись один на раненом коне среди сильной половецкой рати, Даниил не пошел в плен, а убежал. Если дружинники к этому отнеслись спокойно, то вечники не могли смириться с тем, что их князь сбежал, бросив всех в Торческе, да еще и опозорил их перед Киевом, ведь киевский князь бился до конца, пока не угодил в плен. Если бы Даниил бежал в Торческ вместе со всеми, то вечники бы его поняли.

Примечательно, что Даниил смог сбежать на раненом коне от отменной половецкой конницы. Однако стояла зима. Если бы половцы послали за ним несколько человек в погоню, то маленький отряд всадников рисковал попасть в сильную степную метель. На территории, враждебной Киевской волости, это было для половецких захватчиков вдвойне опасно. А посылать ради поимки одного князя большое войско было излишним, так как надо было мобилизовать силы для борьбы со всем галицко-киевским войском, скрывшимся в надежных торческих укреплениях. Поэтому Даниила, видимо, особо и не ловили, и современников это при названных обстоятельствах не удивляло.

Правда, если верить Ипатьевской летописи, торческий бой произошел не ранее мая - под одним Черниговом якобы «Даниль бо и вои его бе иструдилас воеваль... бо бе от Крещения до Вознесения»<sup>29</sup>. Историки обычно принимают это на веру<sup>30</sup>. Между тем, в историогра-

фии уже указывали на тенденциозность официозного галицко-волинского сводчика, стремившегося чрезмерно возвеличить галицкого князя в бою под Черниговом, приукрасить его заслуги и преуменьшить его фиаско. Достаточно сказать, что летописец вовсе обходит факт его поражения, все сводя к некому договору его с черниговским князем, и при этом торжественно сообщает о пленении Даниилом всех Черниговских земель<sup>31</sup>. Даже если допустить, что Даниилу удалось много награть на всей территории Черниговской волости (хотя, согласно иным, менее пристрастным источникам, все ограничивалось поджогом посада и грабежами «около» города)<sup>32</sup>, необходимо признать, что летописный рассказ получается передернутым: вместо сообщения о разгроме войск Даниила и его отступлении летопись рассказывает лишь о победах, полностью подменяя тем самым смысл случившегося.

К этому же разряду относятся и сознательно приукрашенные сроки военных мытарств: «Даниль бо и вои его бе иструдилас», провоевав аж 4 месяца подряд, пока не пленили всю Черниговщину. Вместе с тем, как убедительно показал А.В. Шабага, версия о затянувшейся черниговской эпопее выглядит достаточно нелогично. *(Да и вообще, если бы Даниил грабил «около» города квартал к ряду, Густынская, Новгородская и Тверская летописи, конечно, сообщили бы о столь затянувшемся осадном сидении. — М.Н.)* Из контекста источников скорее следует, что Даниил достаточно быстро потерпел поражение под Черниговом, соответственно и Торческий бой состоялся вскоре после начала войны, в холодный сезон<sup>33</sup>. Следует добавить, что мнение исследователя наглядно подтверждает свидетельство новгородской летописи. Даже вокняжение Михаила Черниговского в Галиче она помещает в пределах 6743 г., то есть до 1 марта. А достаточно быстрый приход Ярослава Всеволодовича с новгородской ратью в Киев, чтоб скорее свергнуть севшего там Изяслава, уже относит к новому 6744 г.<sup>34</sup> Значит, и Торческий бой тем более должен был произойти зимой, до 1 марта. Конечно, новгородский летописец, возможно, чуть сместил сроки в иную сторону - при отсутствии развитых СМИ в пределах огромной страны этак на декаду-две ошибиться было не трудно, но никак не на месяцы! Даже если учесть время перехода русских войск к Торческу и подхода туда половецкой рати, Торческий бой произошел в самом конце февраля 1235 г., и все равно бегство Даниила в степь приходилось на самый снежный и холодный период в году (недаром в сохранившемся на Украине старом славянском календаре февраль назван «лютым»). Поэтому неудивительно, что Даниила толком не преследовали в снежной степи на чужой враждебной земле.

Когда Даниил добрался до Галича, там его встретил брат Василий с волинским полком, замещавший старшего брата на галицком княже-

нии. Но тут за дело принимается часть мятежных галицких бояр, которая пускает ложный слух о нападении половцев на Волынь, склонив к лжесвидетельству некого Бориса из приграничного с Волынью галицкого пригорода. *«Данилу же прибегшу к Галичю, Василкови же бывшу в Галичи с полкомъ, и сrete брата си. Борисъ же Межибожъскый светомъ Доброславльимъ и Збыславимъ посла к Данилови, рекый: «Изяславъ и половци идуть к Володимеру». Лестъ бо бе се»*<sup>35</sup>. В итоге Василько с волынянами по ложной тревоге спешат на Волынь и покидают Галич. Воспользовавшись отсутствием волынского отряда, часть земских галицких бояр учиняет против князя «крамолу»: *«Даниль же посла ко брату си: «Стерези Володимера». Узревше же бояре галичстии Василка отшедша с полономъ, воздвигоша крамолу»*<sup>36</sup>. Даниилу дают понять, что ему лучше уйти из города, покуда он жив, мотивируя это тем, что и галичане в целом его не терпят. Последнее обстоятельство принудило Даниила уйти из Галича, фактически передав его Михаилу Черниговскому: *«Судиславу же Ильючю рекшу: «Княже, льстивъ глаголь имеют галичане, не погуби се, поиди прочь!» Данилови уведавшу крамолу ихъ, изииде Угры»*<sup>37</sup>.

Недавно мы подробно разбирали данный сюжет<sup>38</sup>. В этой связи хотелось бы выделить лишь несколько ключевых моментов:

1) крамола галицких бояр против князя носила узкий характер. Летописец четко отделяет их крамолу от общего недовольства галичан, разделяя эти социальные категории. Да и само слово «крамола» обозначало несанкционированное действие меньшинства<sup>39</sup>. При том в ней участвовали даже не все галицкие земские бояре (как мы уже отмечали, когда они действуют все, летописец специально это подчеркивает, порой даже прямо противопоставляя понятия «вси бояре галичские» «боярам галичским») <sup>40</sup>;

2) в то же время князь ушел из Галича лишь тогда, когда узнал, что его не любят все «галичане». Вече как и прежде считалось сильным властным органом, способным влиять на судьбы княжения;

3) после того как Даниил бежал с поля боя, неудивительно, что недовольны им были все «галичане» в целом. Поэтому радикальные действия части галицкого боярства проходили на фоне общего недовольства галицких вечников<sup>41</sup> Даниилом, и «крамольники» не боялись их возмущения. Именно потому князь ушел из Галича, пока цел (хотя, как показывают события четырехлетней давности, при случае он умел стойко переносить разные боярские заговоры и, не растерявшись, ловко дать отпор кучке недругов). Но теперь князь оказался в конфронтации со всем вечем и разумно решил удалиться, чтоб избежать бессмысленной гибели. Поэтому впоследствии Михаил Черниговский имел определенные основания сказать Даниилу и

Василию Романовичам: *«Многokrаты согрешихо вам и многokrаты пакости творях ти. Что ти обещахъ и того не створих. Аще коли хотяхъ любовь имети с тобою, невернии галичане не вдадяхут ми. Ныне же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имети»*<sup>42</sup>. В этой заведомо льстивой речи подразумевается та общая ненависть галичан к Даниилу, из-за которой Михаилу достался Галич. Не отдельных мятежных представителей боярского слоя, а именно неверных галичан вообще. В прочих случаях они никак не могли участвовать в соперничестве Михаила с Даниилом. Михаил же в ту пору всерьез хотел заключить союз с последним, поэтому мог заискивать, тем более что обычаи того времени предполагали торжественные заверения князей в большой братской любви друг к другу. Но при этом Михаил не мог скатываться до заведомых глупостей и ссылаться на галичан совершенно без оснований.

Уйдя из Галича, Даниил по сути дела прямо уступил его своему сопернику Михаилу Всеволодовичу Черниговскому. Неслучайно галицко-волинский сводчик даже не упоминает о вокняжении Михаила<sup>43</sup>. Видимо, неспроста галицкая крамола имела такой узкий характер. Прочие вечники, включая часть бояр, были так злы на Даниила, что не мешали ей, однако не спешили и помогать. Ведь последующее закономерное вокняжение Михаила сулило попадание Галичины в зависимость от Чернигова. Михаилу нужны были галицкие земли лишь для расширения черниговского влияния на юге Руси. Год спустя он уйдет из Галича, посадив в него сына Ростислава, который осуществлял в городе черниговское наместничество, не выходя из-под воли отца<sup>44</sup>.

Неудивительно, что, когда весной 6743 (1238)<sup>45</sup> г. Даниил в отсутствие Ростислава подъехал к Галичу, жители города сразу перешли на его сторону: *«Богу же поспевшу, приде вестъ Данилу, во Хольме будущю ему, яко Ростиславъ сошель есть на литву со всеми бояры и снuzники. Сему же прилучившуся, изииде Даниль со воии со Хольма и бывшую ему третий день у Галичи. Любяхуть же и гражане. Подъехавшу же ему подъ городъ и рече имъ: «О мужи градъстии, доколе хочете терпети иноплемьныхъ князий державу?» Они же воскликнуvше реша, яко: «Се есть держатель нашъ Богомъ даный!». И пустишася, яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажущи воды ко источнику. Пискупу же Артемью и дворьскому Григорью възбраняющю ему, узевшими же има, яко не можета удеръжати града, яко малодушна блюдящася о преданьи града, изиидоста слезнами очима и ослабленомъ лицемъ, и лижуща уста своя, яко не имеюща власти княженья своего, реста же с нужною: «Прииди, княже Данило, приими градъ!» Данило же вниде во градъ свой и прииде ко пречисте святей Богородици, и прия столъ отца своего, и обличи победу, и постави на Немечьскихъ вратехъ хоругвь свою»*.<sup>46</sup>

Как видно из данного летописного сообщения, Ростислав ушел в поход на Литву со всеми княжескими боярами и конницей. Из видных княжых людей в Галиче остался лишь дворский Григорий, чтобы вести княжеское хозяйство. Правда, летопись сообщает, что князь Ростислав Михайлович ушел со всеми боярами и «сноузники» (конники), но здесь явно подразумевались именно дружинные, княжьи бояре, хотя в историографии оставшихся в городе людей градских нередко отождествляют с небоярскими торгово-ремесленными слоями<sup>47</sup>. Для летописца, бывшего сыном своего времени, и так было ясно, что здесь речь может идти лишь о дружинниках, поскольку вся совокупность земских бояр никогда не составляла отдельной рати, в то время как князья могли уйти с дружиной, не взяв земского ополчения. Пример тому - князь Святослав Игоревич, в отсутствие которого киевляне оказались вынуждены противостоять печенегам<sup>48</sup>, в то время как он с дружиной был на войне. Более того, летопись ясно указывает, что среди оставшихся в городе галицких вечников были бояре. Уже на другой день после вокняжения Даниила эти бояре попросят у него прощения<sup>49</sup>. Да и сам факт, что в летописи галицкие вечники названы «гражданами», «людьми градскими», а не меньшими и простыми людьми, говорит о том, что речь идет о всех вечевых категориях в целом, а не какой-либо их страты. Поэтому из бояр ушли лишь все старшие дружинники и конники, которые, следовательно, составляли специальную конную рать младшей дружины. Опустевший княжий двор остался беречь дворский Григорий.

Любопытно также, что конники противопоставляются княжым боярам, то есть служат отдельным видом войск младшей дружины. К этому времени по мере распада дружинных связей и усиления социальной дифференциации между княжым боярством и зависимой от князя младшей дружиной также усложняется структура последней, появляются и активно действуют в бою новые военные подразделения вроде конников и оружников<sup>50</sup>. Это впоследствии приведет ко все большему усилению военной роли княжьего двора и ослаблению военной и политической роли городских ополченцев - вечников. Историки, признающие в домонгольской Руси наличие повсеместного сильного вечевого уклада, не пытаются увидеть в пределах этого времени конкретных предпосылок к его дальнейшему затуханию. На это справедливо обратил внимание А. В. Журавель. По его мнению, до Батыева нашествия он был довольно силен, однако со второй половины XII в. общество стало более инертным, перекладывая многое на князей, часть из которых цинично сдала страну монгольским захватчикам на глазах апатичного социума. В качестве примера ученый приводит историю Киевской земли, где вече со

второй половины XII в. реально перестает влиять на судьбы княжения<sup>51</sup>. Однако это было сугубо региональной спецификой. Как уже отмечалось в историографии, Киев, и без того разоренный Андреем Боголюбским, к тому времени, в ходе удельной раздробленности, в глазах современников окончательно утратил подлинное значение Матери городов русских, но сохранил статус престижного княжеского стола, которого то и дело добивались разные русские князья, не больно при этом считаясь с мнением самих «людей киевских». Киевлянам фактически ничего уже не оставалось, как покорно принимать очередного пришельца<sup>52</sup>. При этом, как мы уже отмечали, князья и раньше традиционно осуществляли текущее управление землей, а вече и в XIII в. было способно распоряжаться княжеским столом<sup>53</sup>, притом вечники по-прежнему играли неотъемлемую роль в военных действиях. Достаточно вспомнить, что недавнее отступление галичан в Голых Горах автоматически привело Даниила к поражению и воцарению в Галичине венгерских оккупантов<sup>54</sup>. Так что в домонгольское время непосредственных примет затухания вечевого уклада не видно, однако уже в то время повышающаяся боевая роль новых специализированных полков княжеской младшей дружины порождала безусловные предпосылки к дальнейшему созданию служилого войска и постепенному ослаблению роли вечников в войне, да и вообще в политике. В условиях традиционного общества корни новых явлений росли постепенно, долгое время не ломая старых основ. Резкая ломка начиналась, когда уже новое качественно преобладало над старым. А пока вечники еще играли неотъемлемую роль в войнах, и их не брали туда лишь в редких случаях. Поэтому немудрено, что, как только Даниил услышал о том, что Ростислав отбыл с дружиной, оставив дома галицких вечников, он тотчас спешно поскакал из своего нового волынского города Холма и уже через три дня оказался за 250 км, под стенами Галича, где был восторженно принят галичанами.

Это известие ученые обычно рассматривают как яркую хрестоматийную иллюстрацию массовой популярности среди галичан Даниила Романовича. Масса горожан всегда рада своему князю, противостоят ему лишь отдельные корыстные олигархи вроде дворского и епископа, да и то под давлением людей градских. Те с горечью вынуждены были открыть князю ворота в город и встретить его со лъстивым приветствием<sup>55</sup>.

Однако недавно против господствующей концепции выступил А.В. Майоров. По его мнению, никакой массовой радости при встрече с князем галичане не испытали, все это инсинуации официозного летописца. Иначе бы епископ с дворским не смогли вдвоем органи-

зовать сопротивление. При этом ученый выявляет косвенное сведение о том, что защитники Галича сдали его князю вовсе не сразу, а протомившись в голодной осаде<sup>56</sup>.

Ныне мнение А.В. Майорова с традиционных позиций оспорил П.В. Лукин. По его мнению, оснований говорить об осаде нет. А выражение «ослабленные» он переводит как опечаленные, поскольку дворский и епископ вынуждены были с горечью подчиниться вечевому решению<sup>57</sup>. Конечно, прямых упоминаний об осаде нет. Но, как показал А.В. Майоров, в источниках нет ни единого употребления слово «ослабленный» в каком-то ином значении. И в данном контексте тоже нет оснований изобретать ему новый смысл<sup>58</sup>. А кроме того, епископ и дворский вышли, облизывая уста<sup>59</sup>, что, по верному замечанию исследователя, иначе как сильной жаждой не объяснить<sup>60</sup>. Ослабленные лица и облизывание рта характерны для людей, измученных жаждой в осаде.

Другое дело, что мнение А.В. Майорова, что за епископом и дворским пошли большинство галичан, в источнике не находит опоры. Ученый обращался к событиям 1229 и 1233/1234 гг<sup>61</sup>. Но тогда Даниила как раз поддержало большинство вечников: в первом случае - все, за исключением Семейки, а во втором - большая половина града<sup>62</sup>. В этот раз у галицких вечников были на то не меньшие основания, ведь недавно Михаил лишил Галич столичного статуса, превратив его в черниговскую провинцию, управляемую наместником. А Даниил, хоть и был проводником волынского влияния и опирался на волинских дружинников, все же статус города пока еще до такой степени не снижал. Поэтому на этот раз у него среди градских вечников вовсе не нашлось ни одного принципиального противника. А у дворского с епископом не было никаких союзников среди вечников. Неслучайно, призывая тех принять его, Даниил не заискивал перед ними, не давал никаких заманчивых посулов, а просто спросил, сколько они еще хотят терпеть власть иноземных князей (*«О мужи градъстии! Доколе хочете терпети иноплемьныхъ князии державу?»*)<sup>63</sup>. Трудно в этой связи согласиться с М.С. Грушевским, писавшим, что этот князь «вообще не имел никаких демагогических симпатий и способностей, не умел наладить близких отношений с общиной, увлечь ее»<sup>64</sup>. Данный случай демонстрирует нам обратное. Общаться с галичанами он умел. И имел среди них прочную репутацию.

Так что епископ с дворским держали оборону без какой-либо помощи галицких вечников. Хотя, конечно, они могли использовать силовую поддержку людей, входивших в их подчинение, вроде слуг. В той же Галицко-Волинской летописи прямо упоминается отряд богато вооруженных слуг и у епископа Перемышля<sup>65</sup>. Едва ли епи-

скоп стольного Галича был в этом отношении беднее природного архиерея. Запереться они могли не во всем Галиче, а в нагорном детинце (который тоже на Руси нередко носил название «города»), где располагался княжий «двор» и епископия. И в этом нет ничего фантастического. Галицкая летопись сохранила историю, как, ожидая прихода Мстислава Удалого, галичане подняли восстание против очередного венгерского владычества, и сравнительно небольшая кучка венгерских интервентов отчаянно отстреливалась от напавших галичан на сводах собора до прихода Мстислава, а потом сдалась князю, обессилев от жажды<sup>66</sup>. Зная расчетливость Даниила, можно вполне резонно предполагать, что князь особенно не спешил выбивать их оттуда, чтобы дожидаться, когда они, отчаявшись ждать прихода Ростислава, *«яко не имеюща власти княженья своего»*, сами сдадутся ему, послужив наглядным назиданием всем его галицким недоброжелателям. К этому склоняет семантика летописного сообщения, подчеркивающая жалкие попытки противиться Даниилу Романовичу и не передавать ему галицкого княжения: *«пископоу же Артемью и дворьскому Григорью возбраняюще ему [Даниилу] узревшима же има, яко не можеа оудержати града, яко малодушна блюद्याся о преданьи града, изиидоста слезныма очима и ослабленомъ лицемъ, и лижуща оуста своя, яко не имеюща власти княженья своего, реста же с ноужео: «Прииди, княже Данило, приими градъ!»»*<sup>67</sup>. Ни про какой другой эпизод борьбы Даниила за галицкое княжение летопись так не пишет, поскольку раньше речь все-таки шла о серьезных противниках, а не двух жалких упрямцах, томивших себя жаждой в осаде в тщетном ожидании подхода Ростислава. Если дружинник дворский мог, как до этого многие галицкие дружинники, отчаянно бороться с Даниилом, чтобы занять лучшее место в окружении нового правителя, не деля власть с волынскими выходцами, то подобные интересы мог преследовать и епископ. Вообще, упоминая периоды галицкого правления Даниила, официальный галицко-волынский летописец не упоминал каких-либо местных архиереев. Подчиняя Галич волынскому влиянию, Даниил и его волынские дружинники меньше всего искали опору в местной епархии, куда больше заботясь о престиже волынской церкви. Совсем иную политику проводили черниговские князья, задобривавшие местных архиереев богатыми подарками. Примечательна история поддержавшего Ростислава перемышльского епископа. Захвативший его дружинник Даниила Галицкого поиздевался над ним, содрав с его слуг вооружение и богатое облачение из дорогих мехов, явно пародируя библейскую притчу о наказанном тщеславии: *«буесть дому твоего сокрушиться, бобр и волк и язвець (барсук. - М.Н.) снєдаться. Си же притчею речена быша»*<sup>68</sup>. Если Ро-

стислав столь щедро подкупал пригородного епископа, то и епископа Галицкого Артемия он тем более богато задаривал, и тот имел все основания мнить себя видным союзником нового князя. Естественно, возвращения Даниила, при котором он потеряет свое влияние, он не желал. Но теперь, когда Ростислав все не возвращался, дворскому и епископу пришлось сдать город. С ослабленными лицами, облизывая пересохшие рты, вышли они торжественно встречать князя. Войдя в городской детинец, Даниил торжественно утвердился на галицкое княжение в тамошнем кафедральном Успенском соборе, служившем, наряду с окрестной древней Галицкой могилой, традиционным местом княжеской интронизации<sup>69</sup>.

На другой день после вокняжения Даниила в городе стало известно, что в Галичину вторгся Ростислав. Но, узнав, что город уже взят Даниилом, он изменил намерения и резко развернул прочь войска: *«Наутрея же приде к нему весть, яко Ростиславъ пошелъ бе к Галичю, слышавъ же приятъе градъское, бежа во Угры путемъ, имже идяше на Борьсуков Дель, и прииде к Бани, рекомей Родна, и оттуда иде Угры»*<sup>70</sup>. Это испугало часть галицких бояр (видимо, тех, кто радикальнее действовал против князя, тех самых крамольных бояр, два года назад особо яро стремившихся его выгнать). Поскольку из летописи известно, что все княжеские бояре ушли в Литву с Ростиславом, то тут речь идет только о земской знати. Поняв, что теперь у Даниила не осталось соперников среди прочих князей, они кинулись скорее просить у него прощения: *«Бояре же пришедше падше на ногу его просяще милости, яко: «Согрешихом ти, иного князя держахомъ». Онъ же отвещаваъ рче имъ: «Милость получиште, паки же сего не створисте, да не во горьшая впадете», но затем, узнав об их уходе, «посла на не вое свое, и гнаша по нихъ до Горы и возвратишася»*<sup>71</sup>. Видимо, в данном контексте «милостью» было то, что он, изгнав их из края, все-таки оставил им жизнь. А «горьшая» участь, которую он им сулил за повторное отступничество, была смерть. Интересно, однако, что бояре называли свой поступок грехом: *«Согрешихом ти, иного князя держахомъ»*<sup>72</sup>. Это при том, что в домонгольской Руси князей вечники часто призывали и изгоняли, но нелояльность к кому-то из них со стороны земской знати никогда не называлась грехом. Однако тема греховности в данном случае вполне перекликается с приветствием Даниила галицкими вечниками: *«Се есть держатель нашъ Богомъ даный!»*<sup>73</sup> Коль скоро князь признается всеми вечниками Богом данным правителем, то и изменять ему - грех. Тем самым Даниил признавался летописцем непререкаемым галицким властелином, поставленным Богом. Так он снова сел на галицкое княжение с согласия галицких вечников, а на другой день после бегства своего врага Ростислава, почувствовав себя

сильнейшим южнорусским князем, весьма эффектно наказал самых неверных земских бояр внезапным изгнанием из округи.

Однако Даниилу пришлось еще не раз побороться за свое галицкое княжение. Все началось с того, что через два года, во второй половине 1240 г., перед подходом монголов к Киеву, Даниил Галицкий отбыл вместе с сыном Львом в Венгрию к новому венгерскому королю Беле IV. Там он преследовал две цели - выгодно женить сына на дочери короля и заручиться союзом с ним<sup>74</sup>. Правда, поскольку в его отсутствие монголы разорили Киев, а затем и Юго-Западную Русь с Галичем, некоторые исследователи обвиняют его в преднамеренном трусливом бегстве. Слишком уж благополучно князь, по их мнению, успел уйти за границу и пересидеть там многонедельную осаду Киева и погром городов Волыни и Галичины<sup>75</sup>. Но, во-первых, сам конный путь из Галича в столицу Венгрии занимал определенно не меньше декады, а во-вторых, в Венгрии Даниил еще занимался дипломатией. Ведь венгры издавна воевали с Галичиной, пытаясь взять ее под контроль, а родство с венгерской династией могло бы укрепить мирные отношения. Во время страшного монгольского нашествия Даниилу нужны были не очередные враги, а потенциальные сильные союзники. Не добившись успеха, Даниил поехал на Русь, но, переночевав в галицком приграничном Синеводском монастыре, с утра увидел в окрестностях много монгольских воинов и вовремя отступил, так как не имел с собой достаточного числа воинов<sup>76</sup>. Это, кстати, ставит под сомнение версию о том, что Даниил намеренно побегал в Венгрию прятаться от врагов. Такой расчетливый князь, как он, безусловно, смог бы заранее узнать о присутствии сильной рати в Галичине в прямой видимости от венгерской границы, да еще в районе значимого монастыря. Значит, бегство от монгольских отрядов никак не входило в основные планы его поездки. Что-то о произошедшем в его отсутствие монгольском погроме он, очевидно, знал. Но пересиживать его не входило в приоритеты князя. А значит, в Венгрию он поехал именно заключать мир и сватать сына. Другое дело, что галицкие вечники могли негодовать на князя, который их невольно бросил на разграбление монгольским ратям. Повествуя о разорении Галича, летописец ставит его в один ряд с разорением Владимира Волынского: *«Приде к Володимеру, и взя и копьем, и изби и не щадя. Тако же и град Галичь, инии грады многы, имже несть числа»*<sup>77</sup>. Это порой переводится следующим образом: *«И пришел к Владимиру, и взял его приступом, и перебил всех, не щадя. И так же Галич и многие другие города, которым и числа нет»*<sup>78</sup>, - хотя в действительности речь идет лишь о нещадном избиении некой части горожан, не обязательно всех. Дальнейшие события показывают, что в том же

Галиче и полгода спустя после погрома сохранялись и «галичане», и земские «галицкие бояре», и видные галицкие дружинники. Так что Владимир с Галичем вовсе не разделили участь, скажем, Козельска или Старой Рязани. Тем не менее, Галичу пришлось худо, и галичане вполне могли, как в 1230-1231 гг., начать негодовать на Даниила, бросившего Галичину во время вражеского наступления. Как показывает та история, к таким делам они относились очень ревностно и не принимали в расчет, что князь выехал по необходимым делам (в том случае — подождать волынской подмоги)<sup>79</sup>. В этой связи Даниил тем более мог ждать подобной реакции. Возможно, потому, отступив назад, в горы, Даниил оставил сына в Венгрии, боясь везти его галичанам: *«И оставив сына своего Угрехъ и выдать и в уруце галичаномъ, ведаа неверьствие ихъ, про то его не поя с собою»*<sup>80</sup>.

Позднее со своим относительно небольшим отрядом Даниил поехал в Польшу искать свою семью — жену и брата, а затем увез их к Кондрату Мазовецкому, где намеренно оставался до тех пор, пока весной 1241 г. монголы не ушли на запад из южнорусских земель. Заметим, что, прямо поставив себе цель переждать за границей отход монголов, он, конечно, смог его отследить и уже не оказался в такой непредвиденной ситуации, как на галицко-венгерском рубеже у Синеводской обители.

Вскоре к Даниилу вернулся и его сын Лев, приехавший в приграничный с Волынью галицкий город Водаву с *«земские бояры галицские»*<sup>81</sup>. Так представители галицкой вечевой знати оказали Даниилу почтение, встретив и торжественно доставив к нему его сына. Обычно этим занимались княжьи люди. Но тогда была особая ситуация — земской галицкой знати явно хотелось демонстративно заверить князя в своей преданности. Ей было что от него таить. В отсутствие Даниила в Галичине произошли досадные для него перемены. По-прежнему признавая на словах его власть, местная элита стала сама распоряжаться землей. Как сразу же продолжает летописец, после рассказа о прибытии Льва с галицкими боярами в Водову, *«бояре же галичѣстии Данила княземъ собе называху, а сами всю землю держаху»*<sup>82</sup>.

Однако реальную власть в Галичине захватили видные княжеские бояре — Доброслав Судыч и Григорий Васильевич, которые вдобавок, собирая дань по области, фактически прибирали к рукам обширные богатые области Галичины. При этом они грубо обирали местное население, чиня по волости натуральный грабеж: *«Доброслав же вокняжилъся бе и Судычъ, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшед во Бакоту, все Понизье прия, безъ княжа повеления. Григоръ же Васильевичъ собе горную страну Перемышльскую мышляше одержати. И бысть мятежь великъ в земле и грабежь от ни»*<sup>83</sup>.

Правда, историки в данном случае обычно не делят бояр на земских и княжеских, воспринимая фразу о боярах *«галичтих»* лишь как предисловие к повествованию о грехах конкретных их представителей. Дескать, «летописец говорит, что галицкие бояре князя "Даниила князем себе называху, а сами всю землю держаху". Он перечисляет этих бояр, державших землю»<sup>84</sup>. Но, как мы уже указывали, в Галицко-Волынском своде подобное выражение четко обозначает именно вечевую элиту<sup>85</sup>. В данном случае не стоит делать исключений. Летописец сперва отмечает неповиновение земской элиты, а уже потом переходит к описанию самоуправства виднейших дружинников.

Говоря о разорявших землю княжых боярах, летописец злобно подчеркивает худородное происхождение некоторых из них (в ту пору, по мере усиления социального расслоения общества, в верхушку дружины уже в основном принимали выходцев из знати). Летописец тем самым дает понять, что люди, обязанные своим восхождением княжеской власти, начали сами всем беззаконно распоряжаться, *«вокняжаться»* при живом властителе. По отношению к галицким вечникам они вели себя достаточно бесцеремонно. Как явствует из дальнейшего повествования, Доброслав держал их у «стремени», что символизировало в средние века вассальную зависимость. Почему они терпели этого заправилу? Несмотря на все перипетии первой трети XIII ст., когда город то и дело оказывался в руках захватчиков, галицкое вече вовсе не ослабло, как вече в Киеве, что со второй половины XII в. фактически перестало участвовать в судьбах собственного княжения. Наоборот, вече в Галиче по-прежнему считалось значимой силой, способной смещать должностных лиц. Однако необходимо учитывать, что город явно не оправился от бывшего всего год назад монгольского разорения. А в отличие от вольного тогда Новгорода, в Галиче XIII в. при любых князьях и в периоды бескняжия сохранялся постоянный состав местной дружины. Поскольку дружинники на Руси, и в Галиче в частности, участвовали наряду с князем в текущем управлении и распоряжении «черными землями», неудивительно, что не оправившиеся от Батыева погрома галичане доверились решительному видному дружиннику, который реально активно стремился вывести край из-под волынского влияния, пусть даже для того, чтоб заправлять им самому и разорять своими поборами - «грабежами», вызывая по области *«мятежь великъ»*. При этом, правда, галицким земским боярством власть Даниила на словах признавалась: *«Бояре же галичстии Данила князем себе называху»*<sup>86</sup>. Да и сам Доброслав Судыч в борьбе за власть с Григорием Васильевичем будет апеллировать к княжескому суду. Другое дело, что реально с князем на местах никто не считался.

От Даниила не укрылось истинное положение дел в крае, он «уведавъ, послал к Доброславу Судьичу своего стольника Якова. Яков передал Судьичу такие слова Даниила: «Князь ваш азъ есмь. Повеления моего не творите, землю грабите. Черниговских бояръ не велех ти, Доброславе, приимати, нъ дати волости галичкимъ. А Коломыйскую соль отлучите на мя»<sup>87</sup>. Не ясно, кто назван черниговскими боярами. Едва ли они были бывшими черниговскими дружинниками, переходящими на службу в Галич. В Древней Руси дружина набиралась из самых разных мест и стран при условии верности князю. Было бы странно, чтобы при этом кому-то не давали волости только из-за иногороднего происхождения, тем более «боярам» - старшим дружинникам. В старшую дружину приняли, но волости не доверили?! Очевидно, речь идет не о реальных черниговцах, а о тех земских галицких боярах, которых несколько лет назад Даниил изгнал из земли. А Доброслав их вновь пригрел, показав галичанам, что он добр к Данииловым недругам. Вот Даниил и передал, чтоб он не давал им ничего, а давал волости боярам «галичскимъ», то есть прочим вечевым боярам, которые не были изгнаны за неверность князю.

Кроме того, он просил передать, чтоб Доброслав Судьич не трогал Коломыи и отписал ее на князя. Доброслав согласился, но тут явились другие видные галицкие дружинники (Ивор Молибогович), которые стали кланяться. Как выяснил княжеский стольник Яков, Доброслав им уже передал Коломыю. Когда Яков укоризненно заметил, что доход с соли князь использовал для жалования оружникам, Доброслав цинично усмехнулся: дескать, могу сказать. Данное известие интересно еще и тем, что важным доходом древнерусской знати были разного рода земельные кормления. Более того, именно кормление в ту пору было основой ее материального благосостояния, а вовсе не феодальные вотчины<sup>88</sup>. К слову сказать, данных о вотчинах в Юго-Западной Руси в домонгольский период нет. А актовый материал XIII в. позволяет предположить, что даже к концу XIII ст. они были невелики даже у князя<sup>89</sup>. Это вполне соответствует ситуации в других регионах Руси, например богатому новгородскому материалу, согласно которому крупное частное землевладение возобладало в Новгородской земле не ранее второй половины XIV в.<sup>90</sup> Потому-то многие галицкие дружинники первой половины XIII в. так стремились заполучить обширные и лучшие земли в Галичине в кормление, делая их, как Судислав, основой военной мощи или, как Доброслав Судьич, Григорий Васильевич, Ивор Молибогович и Лазарь Доможирович, фактически прибирая к рукам и разоряя поборами. Поэтому считать экономической основой древнерусского классового общества крупное землевладение (и, соответственно, удревнять его или, наоборот, архаизировать обще-

ственный строй, как школа И.Я. Фроянова)<sup>91</sup> едва ли правильно. Ведь даже в «классической» модели западноевропейского феодализма, на которую ориентируются данные авторы, исторический процесс шел не столь прямолинейно. Общественный строй франков при Карле Великом и первых Каролингах, включая вовсе распустившего «таги» Людовика Благочестивого, был уже далек от общинного, но частное землевладение тогда еще не стало основой хозяйства господствующего класса. Таковым оно будет только ко временам крестовых походов, которые в значительной степени решали проблему канализации возникшего обилия воинственных безземельных младших членов знатных семей. Поэтому и древнерусская знать, включая галицкого боярина Доброслава Судыча, в домонгольский период в основном жила кормлениями, вовсе не будучи при этом доклассовой по своей социальной сути. Когда стольник Яков вернулся к Даниилу и передал ему разговор с Доброславом, князь очень скорбел, что Галичина вынуждена терпеть разорение. Но предпринять он ничего не мог. Видимо, этот Доброслав Судыч имел слишком прочное положение в городском обществе. Это показывает и развитие дальнейших событий, когда Даниил смог неожиданно для себя легко его арестовать, уличив пред всеми в неверности. Повод дал он сам, донеся Даниилу на другого видного галицкого дружинника Григория Васильевича, с которым не хотел делить власти: *«И малу же времени минувшу присла Доброславъ на Григоря, река, яко: "Неверень ти есть". Противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержати»*<sup>92</sup>.

Как мы видим, власть Даниила Доброслав формально признавал и, чтоб известить своего соперника в борьбе за власть, прибегнул к доносу, обвиняя его в «неверности» князю. Для летописца нет ничего особенного в том, что истец с ответчиком лично прибыли на суд князя (который был в Волыни). Хотя Доброслав снова держался нагло, приехав с надменно поднятой головой, в затрапезном виде, важно ведя у стремени галицких вечников: *«свадивъшеся сами и приехаша с великою гордынею. Едучю Доброславу во одной сорочъце, гордящу, ни на землю смотрящу, галичаном же текущимъ у стремени его»*<sup>93</sup>. Даниил и бывший с ним его брат очень разозлились на зарвавшегося спесивца. А когда Доброслав и Григорий стали обличать друг друга в неверности князю, не гнушаясь явной ложью и наглядно выказывая личное корыстное стремление к самовластию, Даниил, посоветовавшись с братом, арестовал обоих. Как сообщает летопись, *«Данилови же видящу и Василкови гордость его, болшую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорю обоимъ ловящимъ на ся. Слышав же Даниль речи ихъ, яко полны суть лъсти, и не хотять по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив же се братомъ, понужи же, видя*

*безаконие ихъ, и повеле его изоимати*»<sup>94</sup>. Теперь он мог это сделать. Ведь оба дружинника сами пришли к нему на суд, прося судить друг друга за неверность ему, и он был вправе арестовать обоих, так как они сами наглядно показали себя неверными, лживыми честолобцами. Важно и то, что вся сцена произошла на глазах прибывших с Доброславом галицких вечников.

Любопытно и замечание летописца, что Доброслав с Григорием хотели передать власть Даниила кому-то *«иному»*. Но не исключено, что это была просто гипотеза князя или самого книжника. Все же никто еще не сталкивался с ситуацией, когда Галицкая область обширного Даниилова княжения, на словах признавая княжеское владычество, на деле живет автономной жизнью. Не иначе как хочет, мол, предаться другому князю. Хотя на самом деле галицких заправил могла тешить такая двойная жизнь. Ведь так у них в Галичине было гораздо больше свободы, чем если бы в их городе лично сидел и правил какой-нибудь князь со своим пришлым окружением. Но после того как Даниил пленил Доброслава с Григорием, вся автономия Галичины сразу рухнула. В Галиче больше не было своих лидеров, способных взять власть на местах и ее удерживать. Вдобавок Даниил взялся за Галичину всерьез и послал туда своего надежного человека, Кирилла-печатника, проверить все злоупотребления плененных галицких управителей и навести после них порядок в управлении волостью. С ним шла сильная рать, способная противостоять даже вражескому нашествию. Когда вскоре в Галичину вновь вторгся князь Ростислав, Кирилл-печатник не пропустил его. Галичина стала волынкой провинцией. Неформальным заправилам, вроде Доброслава, отныне не оставалось места.

Галичанам, чтобы получить независимость от Даниила, теперь оставалось только посадить у себя нового князя. Этим воспользовался Ростислав, который после ухода Кирилла-печатника, примерно в начале 1242 г., вновь вторгся в Галицкую область. С ним был некий *«изменник Володислав»*<sup>95</sup>, видимо, галичанин. Кто это был, сказать сложно, хотя определенно не Владислав Кормильич, который, согласно летописи, давно умер<sup>96</sup>. Но для современников, безусловно, он был личностью знаковой и среди галичан популярной. Видимо, это был представитель все тех же изгнанных Даниилом в свое время мятежных земских бояр. Правда, их вновь против воли князя привадил Доброслав Судыч, но Кирилл-печатник их, надо думать, снова всего лишил. Вот теперь один из них вернулся с Ростиславом и стал помогать ему принять Галич. Сперва он уговорил сдать жителей галицкого пригорода Доморжировой Печоры, а подъехав к Галичу, просто сказал: *«Твой есть Галичь»*. А сама *прия тысячу от него*<sup>97</sup>. Как

мы видим, галичане сдались Ростиславу автоматически, летопись даже прямо об этом не упоминает. Видимо, галицкие вечники и дружинники хотели сдать город любому князю, лишь бы избавиться от волынской власти. Но Даниил вскоре выгнал Ростислава из Галича. С ним сбежали его самые ярые городские приспешники - епископ Артемий «и иные галичане»<sup>98</sup> неясного статуса (поскольку в числе «галичан» назван епископ, здесь это слово означает не только вечников, но и жителей города вообще). Далее Даниил пленил волостных сторонников Ростислава. Среди них был упомянутый нами выше перемышльский епископ, а также его певец Митуса<sup>99</sup>. Но сам Ростислав ушел. Даниилу стало не до него. В сторону Руси из Европы шли монголы, ехавшие в начале 1242 г. утверждать нового хана.

Кроме того, Густынская летопись добавляет, что в те годы Даниил учинил в отношении галицких бояр суровые репрессии: *«Многихъ бояръ галицкихъ непріязненныхъ Данилу, тамо побиша, а иныхъ живыхъ яша, но единаче и тыхъ всехъ повеле Данил побити. Яша же ту и великаго боярина галицкого, и непрестанного колотника...»*<sup>100</sup>. Исходя из описываемых в данной статье событий, историки обычно привязывают это известие о боярах к битве под Ярославом 1245 г.<sup>101</sup> Недавно и мы, честно говоря, также привязали его к времени той битвы<sup>102</sup>. На самом деле тут упомянуты ее основные силы — Ростислав и его иноземные союзники, а также яркий персонаж — венгерский воевода Филя<sup>103</sup>. Вместе с тем, однако, имеются и некоторые незамеченные до этого никем важные моменты: согласно летописи, Ростислав изначально «сидя в Галичу», откуда и призвал себе союзников для того, чтоб отбить притязания Даниила. И галицких земских бояр, которые воевали среди прочих галичан на стороне Ростислава, Даниил захватил в бою, после чего продолжал сражаться, в частности, пленил венгерского воеводу Филю<sup>104</sup>. Все это (кроме захвата Фили) как раз не соответствует событиям Ярославской битвы, ведь Ростислав в ту пору не был в Галиче - наоборот, он сам вторгся в Юго-Западную Русь с западными союзниками. И галичане на стороне Ростислава тогда не воевали<sup>105</sup>. Видимо, в сообщении Густынской летописи смешаны два события - Ярославская битва и более раннее военное столкновение, связанное вышеописанным кратким периодом княжения Ростислава. Тогда, еще в 1242 г., Даниил и пленил галицких бояр, выступавших против него с Ростиславом.

После этого галицкие вечники больше в источниках не упомянуты, несмотря на то, что после смерти Даниила Галич опять становился центром самостоятельного княжения. Видимо, галицкое вече ослабло еще при жизни этого князя, отвыкнув от реального участия в государственном управлении. Надо иметь в виду, что со времен своего

возвращения на Русь после нашествия Батыя и до смерти Даниил преимущественно управлял Галичем из Волыни, фактически превратив Галичину в провинцию. Это не могло не сломить государственной мощи галицкого веча и лишить его привычки деятельно участвовать в политике.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Несин М.А. Галицкое вече в 1204-1229 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2011. № 2 (24); Он же. Галицкое вече в 1229-1234 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2011. № 3 (25).

2. ПСРЛ. Т. II. М., 2000. Стб. 772.

3. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

4. Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41 С. 26, 44.; Шабига А.В. Опыт моделирования социальных процессов: причины военных конфликтов в Галицко-Волынской Руси. М., 2003. С. 172.

5. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 567.

6. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773-774.

7. Татищев В.Н. История Российская. М., 2003. Т. III. С. 230.

8. Новгородская летопись, старшего и младшего изводов (далее - НЛ). ПСРЛ Т. III. М., 2000. С. 74, 284-285; ПСРЛ. Т. 40. М., 2000. С. 120.

9. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 338.

10. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 567.

11. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773-774.

12. Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 230.

13. НЛ. С. 74, 284-285.

14. Несин М.А. Галицкое вече в 1229-1234 гг.

15. ПСРЛ. Т. II. Стб. 780.

16. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

17. См., напр.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1992. С. 15.; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 120.; Галицко-Волынская летопись (Подг. текста, перевод и комм. О. П. Лихачевой) // Памятники древнерусской литературы XIII века. М., 1981. С. 391.

18. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 567.

19. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773. Примеч. 31.

20. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

21. Рыбаков Б. А. Торческ - город черных клобуков // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 243-245.

22. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

23. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773-774.
24. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.
25. Несин М.А. Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 52-62.
26. ПСРЛ. Т. II. Стб. 743.
27. Несин М.А. Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 16.
28. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 520; Несин М.А. Галицкое вече в 1229-1234 гг.
29. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
30. См., напр.: Галицко-Волынская летопись. (Перевод О. П. Лихачевой). Примеч. №226. С. 515.
31. Пашуто В.Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 216-217; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 564-566.
32. ПСРЛ. Т. II. Спб., 1843. С. 338; НЛ. С. 74, 284-285; ПСРЛ. Т. 40; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 564-566.
33. Шабага А.В. Опыт моделирования... С. 175.
34. НЛ. С. 74, 285.
35. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
36. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
37. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774;
38. Подробнее об этом см.: Несин М.А. Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 55-56.
39. ПСРЛ. Т. II. Стб. 729, 755, 765.; Несин М.А. Галицкое вече в 1204-1229 гг.; Он же. Галицкое вече в 1229-1234 гг.
40. Несин М.А. Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 54-57.
41. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 568.
42. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.
43. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
44. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.
45. Грушевський М.С. Хронологія подій... С. 27, 45.; Шабага А.В. Опыт моделирования... С. 175.
46. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.
47. См., напр.: Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 476; Пашуто В.Т. Очерки истории... С. 217.; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... С. 119; Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 год. М., 1997. С. 109; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 572.
48. ПСРЛ. Т. I. Стб. 67.
49. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.
50. См., напр.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 762, 765, 777 и др.
51. Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». Т. I. С. 274-384.
52. Фролов И.Я. Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 76-80.
53. Пресняков А.Е. Княжье право в Древней Руси. М., 1993.; Несин М.А. Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2009. №3 (17). Он же. Галицкое

вече при Ярославе Осмомысле // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2010. № 1 (19); *Он же*. Галицкое вече в 1204-1229 гг.; *Он же*. Галицкое вече в 1229-1234 гг.

54. ПСРЛ. Т. II. Стб. 762.; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 520; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 64-65.

55. См., напр.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. С. 476; *Пашуто В.Т.* Очерки истории... С. 217; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... С. 119; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись. С. 109; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. СПб., 2003.

56. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572; *Он же*. Даниил Романович в Галиче накануне татаро-монгольского нашествия // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В. Пузанов. СПб.; Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001.

57. *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 105-107.

58. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572; *Он же*. Даниил Романович в Галиче...

59. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

60. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572; *Он же*. Даниил Романович в Галиче...

61. Там же.

62. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг.; *Он же*. Галицкое вече в 1229-1234 гг.

63. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

64. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси... Т. II. С. 477.

65. ПРСР. Т. II. Стб. 718.

66. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.

67. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

68. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

69. ПСРЛ. Т. II. Стб. 722, 730.; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 10-11.

70. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

71. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

72. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

73. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

74. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784.

75. См., напр.: *Журавель А. В.* «Аки молния в день дождя». С. 284 и сл.

76. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784

77. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784

78. Галицко-Волынская летопись.... (Перевод О. П. Лихачевой) С. 490.

79. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 520.; *Несин М. А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 64-65.

80. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784.

81. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.

82. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
84. Цит. по: *Сергеевич В.И.* Древности русского права. В трех томах. М., 2006. Т. I. Территория и население. С. 95.
85. *Соловьев. С.М.* Даниил Романович, король Галицкий // Современник. 1847. Т. I. Отд. 2. СПб., 1847. С. 110-111.; *Софроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955; *Несин М. А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 8-9.
86. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
87. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
88. *Пашин С.С.* Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси XI-XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1986; *Фроянов И.Я.* *Дворниченко А.Ю.* Города-государства...
89. *Линниченко А.И.* Критический обзор современной литературы по истории Галицкой Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 5.
90. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
91. Историографию данной проблемы см.: *Алексеев Ю.Г.* За Отечество свое стоятель // *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001.
92. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
93. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
94. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
95. ПСРЛ. Т. II. Стб. 788.
96. ПСРЛ. Т. II. Стб. 754.
97. ПСРЛ. Т. II. Стб. 788.
98. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.
99. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.
100. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 340.
101. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 462.
102. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 59.
103. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 340.
104. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 340.
105. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 2000. Стб. 801.